

ФИЛОСОФИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ГРНТИ 02.41.21

УДК 130.2

Алексеева Валентина Александровна

НАЦИОНАЛЬНОЕ МИРООТНОШЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российская цивилизация, цивилизационный подход к истории, теория геополитики, национальное мироотношение, этнос, российская государственность, либерализм, геополитические вызовы.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме глубинных оснований развития современной России, связанного с воссозданием традиционного цивилизационного единства страны. Проводится идея о фундаментальном значении в этом процессе традиционного мироотношения народа. Обобщаются методологические основания исследования данной проблемы, заключенные в цивилизационной концепции исторического процесса, в теории геополитики и в философии постмодерна. Исследуются базовые исторические особенности феномена российской цивилизации, механизмы его деструкции.

Alekseeva Valentina Aleksandrovna

NATIONAL DISPOSITION IN THE CONTEXT OF THE PROBLEMS OF CIVILIZATION DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

KEYWORDS: Russian civilization, civilized approach to history, theory of geopolitics, nationaldisposition, ethnos, Russian statehood, liberalism, geopolitical challenges.

ABSTRACT: The article deals with the problem of the root reason of development of modern Russia, associated with the re-establishment of traditional civilizational unity of the country. Carried out the idea of fundamental importance in this process of traditional disposition people. Summarizes the methodological bases of the study the problem concluded in the civilization concept of historical process, in theory geopolitics and postmodern philosophy. Explores basic historical features of the phenomenon of Russian civilization, mechanisms of its destruction.

Фундаментальные основы культурных форм, структуры социальности, исторический путь народа, в конечном итоге, определяются тем типом субъектности, который специфицирует носителей той или иной социокультурной общности. Этот тип субъектности формируется исторически под влиянием целого ряда факторов: географической среды, национальной традиции, иноцивилизационных воздействий и т.д. Особость глубинного отношения «человек-мир» выкристаллизовывается не только и не столько в логике автономного жизненного пути индивида, сколько воспитывается, прежде всего, «духом его народа», национальным мироотношением, которое отнюдь не всегда подвергается рефлексии, но которое, между тем, задает и саму логику повседневности, и уникальность проживания человеком его собственной жизненной дороги.

Мироотношение каждого народа является мощным национально консолидирующим фактором, той константой, которая обуславливает неповторимость каждой национальной культуры и исторической судьбы.

Основные диахронные различия в пределах исторического развития одной цивилизационной ветви, различия между отдельными его этапами, а также - синхронные социокультурные и цивилизационные отличия образуются не типами материального производства или спецификой политических режимов, а типами мироотношения, особенно-

стями доминирующих в них метафизических представлений. Напротив, сами параметры материального производства и типы политических систем воспроизводятся под сильным давлением мироотношенческих констант в пределах той или иной цивилизации. Метафизические комплексы составляют фундамент национального мироотношения. Будучи сверхисторичной, метафизика является историчной. И. Кант видит метафизику как «природную склонность человека». И эта склонность («*metaphysica naturalis*») существует прежде, чем существует метафизика как наука и философская система: «...у всех людей, как только разум у них расширяется до спекуляции, действительно всегда была и будет какая-нибудь метафизика» [5, с. 117]. А у М. Хайдеггера читаем: «Всякая эпоха, всякое человеческое множество опираются на ту или иную метафизику и через нее встают в определенное отношение к совокупности сущего и тем самым также и к самим себе. Конец метафизики раскрывается как упадок власти сверхчувственного и порожденных им "идеалов"» [18, с. 64].

Однако, само национальное мироотношение, конечно же, в достаточной степени изменчиво в своей устойчивости. Причинами изменчивости могут быть и диссонансы в межпоколенных связях, и ландшафтные перемещения носителей цивилизационного типа, и сама длительность исторического пути народа, и различного рода социальные и идеологические коллизии, и межцивилизационное взаимодействие. В результате такой изменчивости в мироотношении целого ряда народов формируются некоторые совокупности общих черт, принципиально отличающие данную цивилизацию от всех прочих.

Тенденции поляризации «цивилизационных сил» последних столетий заставляют философскую и культурологическую мысль обращаться именно к поиску особых, фундаментальных типов мироотношения, «чистых онтологических сознания», зарождавшихся в многовековом прошлом человечества, воспроизводившихся в тех или иных вариантах

в судьбах отдельных народов и регионов, в той или иной степени доминирующих ныне в различных странах. В истории философии и культурологии предпринимались неоднократные попытки типологизации цивилизационных систем, мироотношенческого обоснования их специфики. Труды теоретиков культурно-исторических типов являются достаточным тому подтверждением.

При таком рассмотрении открывается неслучайность становления в различные периоды мировой истории таких феноменов, как «христианский», «евро-американский», «мусульманский» мир, «континентальная» или «атлантическая» цивилизации, Восток и Запад и т.д. А сегодня все активнее входит в теорию и практику понятие из этого же ряда – понятие «русский мир», означающее также особый цивилизационный тип, вновь стремительно обретающий историческую субъектность.

Однако, нынешний процесс цивилизационного возрождения России оказался сопряженным с целым рядом серьезнейших проблем, проблем нематериального характера, наличие которых не позволяет однозначно утверждать о грядущем величии страны. История, как известно, - процесс «открытый», поливариантный, находящийся под огромным влиянием субъективного фактора. Поэтому именно характер субъектности, ментальные доминанты народа, «национальный дух» - это та сфера, от состояния которой зависит историческая судьба «русского мира». Сегодня в стране уделяется колоссальное внимание развитию различного рода суперсовременных технологий: оборонные отрасли и освоение арктического шельфа, космическая индустрия и робототехника, уникальные разработки в области хирургии и трансплантологии и мн. др. – это, безусловно, приоритетные направления развития отечественной технологической базы. К сожалению, далеко не столь пристально вглядываемся мы до сих пор в состояние духовной жизни нашего народа, во многом утратившего за последние десятилетия свою национальную идентичность, связь

со своими историческими корнями, сильно разрушившего свою традиционную метафизику.

Осмысливая сегодняшний период отечественной истории, истоки нашего глубокого цивилизационного кризиса, нельзя не задаться вопросом о том, где и в каких пределах пролегла полоса нашего духовного излома, какова ее глубина и степень болезненности. Что нужно было разрушить в системе мироотношения народа, чтобы потомки Владимира Великого и Александра Невского, Митрополита Филарета и Петра I, Суворова, Кутузова и Достоевского, еще недавно гордо написавшие свои имена на стенах поверженного рейхстага, с легкостью прельстились блеском импортированных ценностей и нравственных принципов, словарных оборотов и вероучений, философских теорий и схем поведения.

Какие факторы обусловили то, что народ, осуществивший в XX веке кардинальное изменение социоприродной среды, радикально расширивший свои производственные, энергетические и информационные возможности, впервые в своей тысячелетней истории создавший мировую сверхдержаву, четверть века назад дал возможность одержать верх в российском обществе той своей части, которая, хоть и утратила ныне свои доминирующие позиции, до сих пор самовоспроизводится на процессах национального и государственного унижения?

Живой, непосредственный опыт, сопричастность великой культуре, обращение к прошлому Родины позволяют эксплицировать и исследовать основные, на наш взгляд, причины и модусы деструкции российской цивилизационной идентичности и российского национального мироотношения, произошедшей в последние десятилетия.

Безусловно, размышления о нынешнем духовном состоянии российской цивилизации необходимо строить на фундаментальной методологической основе, и такая основа, несомненно, имеется. Речь идет, прежде всего, о трех традициях в философии истории: о так называемом «циви-

лизационном подходе» (А. Тойнби, О. Шпенглер, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев, Л.Н. Гумилев), о теоретической геополитике (Ф. Ратцель, Р. Челлен, Х. Макиндер, А. Мэхэн, К. Хаусхофер, С. Хантингтон, Н. Спайкмен, З. Бжезинский, русское евразийство) и о философской концепции постмодерна (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, М. Фуко, Ж. Лиотар, П. Бурдьё, Ю. Хабермас, Ж. Деррида, Ж. Делез). Каждая из этих методологий, конечно же, имеет свои эвристические границы, однако, в своем сочетании они образуют неплохой объяснительный принцип в плане исследования обозначенной проблемы.

Те из перечисленных авторов, кто использует понятие «цивилизация», придают ему, как известно, не всегда одно и то же содержание. Но общий смысл цивилизационной парадигмы – в преодолении классической гегельянской европоцентристской рационалистической схемы истории, в том, что история человечества – не общая однонаправленная колея, по которой движется единое унифицированное человечество по пути прогресса, а, скорее, – пестрая поляна, на которой в разное время зарождаются, расцветают и умирают отдельные организмы-цивилизации. Каждая из них – это локализованное в пространстве и во времени сообщество людей, создающих свою культуру и свои формы и структуры социальности (экономику, государственность, правовые системы и т.д.). Различные авторы внесли различный вклад в развитие этой идеи. Хочется выделить отдельные детали данных подходов, необходимые нам для нашего анализа.

Так, О. Шпенглер, в целом рассматривая цивилизацию как стадию в развитии культуры, связанную с вырождением последней, выявляет базовые критерии, свидетельствующие о подобном вырождении. К их числу философ относит, по крайней мере, три, весьма проявленных, на наш взгляд, ныне в нашем обществе – это тенденция к упрощению и снижению роста многообразия видов производящей человеческой деятельности, господство материальных

ценностей над духовными и, наконец, доминирование частных интересов над интересами социального целого, ведущее к господству индивидуализма и «атомизации» общества [20].

А. Тойнби значим именно тем, что он обращается к вопросу об основах цивилизационной мощи и условиях исторического существования цивилизации. Автор концепции «вызова-ответа», Тойнби, по сути, раскрывает механизм самоорганизации цивилизационной системы в условиях внешних и внутренних угроз [15].

С. Хантингтон интересен тем, что глобальный исторический процесс он рассматривает как процесс не просто сосуществования, а перманентного столкновения цивилизаций, фиксируя внимание на том, что из всего набора личностных идентификаций человека именно цивилизационные идентификации выступают для него как самые сильные, основные [19]. Иначе говоря, относя себя к той или иной цивилизации, мы получаем реальную возможность ощутить тот самый феномен «своих», среди которых человеку всегда комфортнее, чем среди «чужих», и цивилизация как некое сообщество людей с едиными пространством, культурой, формами общежития, ценностями и исторической судьбой становится, таким образом, совершенно реальным субъектом истории.

Безусловную методологическую значимость имеет в контексте поставленной проблемы концепция Л. Н. Гумилева, в особенности – в двух ее составляющих: во-первых, - в анализе уникального исторического феномена, который Л.Н. Гумилев называет понятием «суперэтнос» [6], очень близким понятию «цивилизация». Использование этого понятия позволяет избежать редуцирования феномена «русский мир» к «чисто этническому» его толкованию и рассматривать его как понятие, обозначающее многонациональную евразийскую цивилизацию с системообразующей ролью в ней русского народа. И, во-вторых, - в идее о «жизненном цикле» этноса, включающем стадии

как восходящего, так и нисходящего развития, неизбежного упадка. Примечательно, что Л.Н. Гумилев, вполне в традициях О.Шпенглера и Р. Генона [2], пишет о том, что свидетельством исторического упадка этноса является такая перемена в жизнеотношении большинства, когда господствующим становится принцип «хоть день, да мой», когда нет уже забот «ни о ландшафте, ни о потомках», когда кардинально меняется видение принципов отношения между индивидом и социумом [3, с. 429].

Попытаемся с точки зрения выделенных методологических установок рассмотреть некоторые особенности российской цивилизации.

Россия исторически сформировалась на основе единства отважного и мудрого народа, обширной территории и суровой, но богатой и разнообразной природы. Основу населения России составил многокомпонентный этнический субстрат – русский суперэтнос, впервые заявивший о себе на Куликовом поле, вобравший в себя славян, другие народы и племена: германские, тюркские, финно-угорские. «В России народов разного происхождения, даже различных рас, скопилось немалое количество. Оно так и должно быть вследствие того срединного положения, которое Россия занимает между Западной Европой и Азией, как раз на пути великого переселения народов, определившего всю современную судьбу Европы... Послужив главным путем великого переселения народов, Россия содержит осевшие на месте их остатки», - писал Д.И. Менделеев [11, с. 63].

Человек, издавна населяющий нашу страну – носитель русского мироотношения, формировался под воздействием многих обстоятельств и факторов. Это, прежде всего, - суровые геофизические условия евразийского континента. Именно континентальный характер условий формирования русского суперэтноса, а вместе с ним и других этносов, на протяжении многих веков живущих на той же территории, активных сотворцов культуры современной России, спо-

способствовал развитию достаточно высокой степени жизнестойкости нашего народа, а также – возникновению достаточно высокой централизации общественной жизни, социальной сплоченности, коллективистских начал в сознании человека. Здесь веками формировался мобилизационный стиль жизни, а значит – и мобилизационный тип экономики, и мощный интегратор в лице сильной центральной государственной власти, и «сухопутный тип личности» с его коллективизмом, иерархичностью сознания, стремлением к стабильности, традиционализмом, идеократичностью, господством духовных ценностей над утилитарно-практическими [1, с. 69-96].

Специфический характер связи между природными условиями нашей страны, характером труда и психологией великороссов, белоруссов и малороссов отмечают как отечественные, так и зарубежные исследователи.

Из специфики природных условий России О. Шпенглер вывел не только психологический и культурный облик населяющих ее народов, но и предсказал их будущую историческую судьбу: «Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и Амуром, запоздало явится его (фаустовского человека – В. А.) бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, восставшим против нее своим историческим существованием, будет вестись практически до самого конца. Северный ландшафт тяжестью условий жизни, холодом, постоянной нуждой выковал из людской породы твердую расу – с предельно обостренным духом, с холодным пламенем неукротимой страсти к битвам, со стремлением вперед и вперед к тому, что я назвал пафосом третьего измерения» [20, с. 481].

На особенности российской цивилизации сильно повлияло и «разновозрастное» сосуществование двух взаимодействующих общностей: западноевропейского (весьма неоднородного в плане мироотношенческих черт) и русского суперэтносов. При этом особую роль всегда играло для России ее евразийское положение, устремленность од-

новременно к восприятию как европейских, так и азиатских, деспотических, начал в организации общественной жизни. Мощная отечественная философская традиция евразийства фундаментальным образом осмыслила в свое время эту проблему. А еще ранее, в трудах Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева и других отечественных представителей цивилизационной парадигмы истории, содержалось предостережение против слепого копирования в нашем обществе чуждых ему цивилизационных принципов, против «европейничания», говоря словами Н.Я. Данилевского [4, 11].

В XX веке обстоятельства межцивилизационного взаимодействия сильно осложнились в связи с появлением новых молодых суперэтнических общностей и, соответственно, - амбициозных мировых игроков на Юге, Востоке и Дальнем Востоке, и среди них, в первую очередь, конечно же, - Китая и исламского мира. Примечательно, что еще Д.И. Менделеев предвидел нынешнюю ситуацию: «... отделение Европы от Азии во всех отношениях искусственно и с течением времени сгладится и, вероятно, даже совершенно пропадет, когда азиатские народы, в особенности китайцы, войдут в общемировое общение и примут участие, как в интеллектуальной, так и в экономической жизни всего света – чего дождутся, пожалуй, уже наши дети. Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными в той или другой части света, назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить» [11, с. 180].

Наконец, Россия – самая холодная постоянно обитаемая страна мира. Это – единственное на планете постоянно населенное человеком место, где зимой температура воздуха устойчиво и надолго опускается ниже точки замерзания воды. В аналогичных климатических условиях живут жители Скандинавии и Канады. Но население Скандинавии, кроме финнов, приспособившихся к суровой природе по-

добно жителям России, сосредоточено на побережье, омываемом незамерзающими морями, а в «по-сибирски» холодных районах, подобных норвежскому плоскогорью, люди появляются эпизодически. Большая же часть Канады есть «белое безмолвие»: зимой – снежная, а летом – таежная пустыня. Крайне редко встретит здесь путешественник жилье индейцев или выходцев из России, и лишь юг страны вдоль границы с Соединенными Штатами, атлантическое и отчасти - тихоокеанское побережье предстанут ему полнокровно насыщенными современной человеческой жизнью.

В силу этих и других факторов, Россия исторически сформировала себя как некое цивилизационное исключение. Сама жизнь здесь есть человеческий подвиг. На протяжении тысячи лет «селекция» континентального человеческого типа сформировала на этой территории человека, наделенного безмерным терпением, недюжинной волей, предельным спокойствием, открытым характером, щедрой и широкой душой. Сила без агрессивности определила сокрушительный контратакующий боевой стиль жителей этой страны. На территории Евразии русские выделили кормящий ландшафт или, используя понятие философии евразийства, - «месторазвитие»: первоначально – систему речных долин, включив затем в него при активном содействии других народов лесные водоразделы, степь, моря Атлантического, Ледовитого и Тихого океанов, циркумполярную зону, недра континента, воздушное и околоземное космическое пространство. В этом, на тысячелетие растянувшимся, творческом порыве с Запада на Восток, от речных долин ввысь и вглубь материка и была создана многонациональная российская цивилизация.

Сравнивая Россию с владычицей морей – Великобританией, громадной империей, населенной в основном, как тогда говорили, «инородцами», противопоставляя их в этом плане, Д.И. Менделеев обратил внимание на то, что наша страна, занимая на шаровой поверхности почти пол-

окружности, остается традиционно целой и единой и в народном, и в пространственно-континентальном, и в государственном отношении.

Теоретические предтечи классической геополитической доктрины Ф. Ратцель и Р. Челлен, рассматривая государство как живой организм, как «форму жизни» и цивилизационной организации [13], назвали ряд факторов, обеспечивающих его мощь. Помимо чисто географических факторов, таких как площадь территории, которая должна стремиться к оптимальному расширению, как особенности границы государства, которая должна быть достаточно протяженной и «подвижной» в зависимости от конкретных исторических условий, как особенности климата и рельефа, которые необходимо постоянно учитывать при формировании государственной политики, классики геополитики говорят о необходимости единой хозяйственной жизни, обеспечения единства народа, единой социальной общности и единства управления (А. Мэхэн), о необходимости учета особенностей этнического состава населения, того факта, что разные народы, населяющие данное государство, могут в реальности быть в весьма различной степени «комплиментарны» (термин Гумилева), то есть имеют ту или иную степень общности мировоззрения, традиций и исторической судьбы, о необходимости поддержания «духа народа» в каждый конкретный момент истории (Н. Спикмен).

Основоположники и адепты геополитической парадигмы рассматривают глобальный исторический процесс как имманентное противоборство двух типов цивилизаций: цивилизаций «суши» и «моря» [18], «Рима» и «Карфагена». Они предложили и методологию разграничения этих типов, в основе которого – не просто наличие, либо – отсутствие у государства морской границы или выхода к морю, а особенности социокультурного уклада и господствующего в данной цивилизации типа личности с его специфическими мироотношенческими характеристиками.

Так, цивилизации «континентального типа» формируются на базе видов деятельности, традиционно определяемых природными особенностями глубинных районов материков, - земледелия и скотоводства, выступая как результат освоения этого первичного ландшафта. Люди на этих территориях, веками, шаг за шагом, отвоевывавшие у суровой природы участки суши, сформировали в себе такие фундаментальные личностные качества, как коллективизм, глубокое чувство иерархии, дисциплинированность, готовность к самопожертвованию, державное сознание, стремление к стабильности, незыблемость нравственных норм и традиций, консерватизм. Соответственно, авторитарность, «жесткость» социальных форм, мобилизационный «спартанский» стиль жизни, социальная сплоченность, традиционализм и идеократичность – важнейшие черты таких цивилизаций.

Напротив, для цивилизаций «морского типа» базовыми видами деятельности традиционно явились торговля и морское пиратство, именно интересы прибыли заставляли носителей «морских» культур создавать формы и способы освоения «ландшафта вторичного», именно материальный интерес заставлял людей жертвовать собой, пересекая океанские просторы в поисках рынков сбыта, с целью грабежа или создания новых торговых путей. В силу этого здесь господствующие позиции занял тот тип личности, который обладает мироотношенческими качествами, прямо противоположными особенностям «человека суши»: эгоцентричностью, индивидуализмом, меркантильностью, утилитаризмом, постоянным стремлением к переменам. Власть идеи в таких цивилизациях заменяется властью сиюминутных интересов, этические нормы и традиции все время «размываются» под давлением прагматики, релятивизм (идея тотальной относительности) становится доминантой мироотношения, а динамичность социокультурных форм, прогрессизм, стремление к постоянной модернизации социальности, демократические формы организации обществ-

венной жизни выступают характерными чертами таких обществ.

В пределах геополитического подхода лик планеты Земля самой конфигурацией и структурой материков, их относительным расположением и взаимной отторгнутостью океанами естественно разделен на «Мировой Остров» и «Мировой Океан» («карта Х. Макиндера») [8, с. 398-430]. Основу континентального конгломерата, названного в геополитической теории Мировым Островом, образовали северо-восточная часть Евразии, большая часть континентальной Европы, почти вся Азия и значительная часть Африки. Сконцентрированные вокруг Хартленда, «сердца земли», «великой природной крепости», со всех сторон труднодоступной, кроме своей западной границы, эти части мира имеют в своем центре еще одно, особо выделенное Макиндером место – «Мировую Ось»[9]. Вокруг этой оси издревле «вращается» вся социальная и политическая история человечества. Мировой Океан образуют та часть Европы, что лежит западнее и южнее Германии, а также – Скандинавия, островные страны Атлантики и Средиземноморья, американский континент. «Естественные» государственные границы, возникавшие на протяжении человеческой истории в центре Мирового Острова вокруг Мировой Оси, в Хартленде, еще недавно, в основном, совпадали с границами Российской империи, а затем - Советского Союза. Другим «мощным держателем Хартленда» теоретики геополитики традиционно считали, в частности, Германию.

В свое время Макиндер в качестве основы обеспечения «морской мощи» видел необходимость предельного ослабления Хартленда и максимизации давления на него: «...тот, кто доминирует над Хартлендом, доминирует над Мировым Островом; тот, кто доминирует над Мировым Островом, доминирует над миром», - писал он [8]. А ключевой ролью международной политики «сил моря» он считал препятствие образованию стратегического союза госу-

дарств, расположенных на «географической оси истории», в частности, - России и Германии. Мы видим сегодня, что все прошедшие со времен Макиндера десятилетия ознаменованы стремлением «атлантизма» (современного геополитического «воплощения сил моря») расколоть Хартленд и взять под свой контроль как можно большее число расположенных в его пределах государств. «Что станет с силами моря, если однажды великий континент политически объединится, чтобы стать основой непобедимой армады?» - пишет Макиндер [10, с. 140]. Ярчайшим образцом подобной политики стало, несомненно, стравливание Западом двух исторических геополитических союзников: России и Германии, в жесточайшей схватке середины XX века [16].

Далее, если мы сделаем проекцию базовых мироотношенческих характеристик континентального и морского цивилизационных типов на господствующие в них уже веками идеологические конструкты, то мы увидим совершенно поразительную адекватность идеологии авторитаризма (в форме «византизма», национал-социализма, большевизма и им подобных) «континентальному» типу и, соответственно, - идеологии либерально демократической, также во всех ее исторических формах (идеях Просвещения и Великой Французской революции, положениях «Декларации прав человека и гражданина» и конституции США, доктринах Ф. фон Хайека и К. Поппера и др.) – типу «морскому». Такая корреляция достаточно хорошо просматривается на уровне простого перечисления основополагающих, неизменных принципов либерализма – принципов безусловной, ни с чем несравнимой ценности человеческого индивида вне его связи с какими бы то ни было общностями, незыблемости индивидуальных прав и свобод, неприкосновенности частной собственности, всеобщего равенства, полиархии.

Очевидно также, что мифологемы современного либерализма превосходным образом вписываются в общий фон нынешнего культурного и ментального состояния Запада,

глубинной исторической парадигмы, которая обозначена в XX веке как парадигма постмодерна. Для нее (так, как она была осмыслена в свое время ее теоретиками, вообще – философской традицией постмодернизма) базовыми принципами выступают спонтанность человеческой деятельности, тотальная диссипация, стратегема деконструкции, антинarrативность, хаос микродискурсов, перманентный отказ от предшествующих парадигм, неопределенность и случайность, процессуальность и незавершенность, игра, ирония, цинизм, виртуализация реальности и жизнь в мире симулякров.

Именно поэтому, в силу столь прочной когеренции трех названных составляющих: глубинных цивилизационных характеристик «сил моря», особенностей парадигмы постмодерна и совокупности декларированных идей либерализма, в большинстве стран, приверженных ныне принципам «атлантизма», стран, которые мы до сих пор на уровне доксы называем «развитыми», действительно господствует ныне либерально-демократическая утопия. В своей хозяйственно-экономической, правовой, интеллектуальной, повседневно-бытовой составляющих она оказывается совершенно адекватной сознанию постмодерна.

У современного атлантизма есть «блестящий» опыт силового перерождения «тоталитарных» режимов в режимы либеральные: итальянского фашизма и германского национал-социализма в либерализм итальянского и либерализм немецкого толка (нынешняя Германия – это, конечно же, далеко не тот «твердый держатель Хартленда», о котором писали основоположники геополитической теории). Этот опыт либеральный Запад уже не одно десятилетие пытается воспроизвести и в мировом, и в российском масштабе. При этом, формально отвергая европоцентризм, поскольку принципы постмодерна и мифы либерализма в пределе вообще отвергают какое-либо социальное центрирование, Запад на самом деле настойчиво навязывает остальному миру чисто европейскую логику линейного про-

цесса человеческой истории «от традиционной модели общества - через социальную модель модерна - к состоянию постмодерна», как бы «закрывая глаза» на то, что и в XXI веке подавляющее большинство населения Земли живет в условиях «давно устаревших» традиционалистских социальных структур.

Такого рода геополитическое давление, преподанное массовому поверхностному сознанию в СССР в конце 1980-х годов как «борьба с советским тоталитаризмом», несомненно, стало ведущим фактором «величайшей геополитической катастрофы XX века» (В.В. Путин) – распада Советского Союза. Иначе говоря, дело совсем не в том, что коммунистическая «тоталитарная» идеология была, якобы, побеждена «прогрессивной» либеральной парадигмой. Коммунизм, конечно же, исчерпал себя и как идеология, и как реальная государственно-политическая конструкция, оформлявшая в границах Советского Союза индустриальное общество. Но бурное распространение у нас не наших цивилизационных принципов, внедрение в нашу социокультурную среду чуждых мироотношенческих начал вызвано, прежде всего, нашим историческим поражением в глобальной геополитической борьбе.

Деструкция «национальной силы» в одночасье превратила мировую державу в ту нишу, куда евро-американский мир постмодерна транслирует кризис своей духовности с его до предела заостренной проблемой человеческого одиночества, отчуждения, дисгармонии жизни, крайним смещением смыслов бытия. С его идеями множащихся реальностей и микродискурсов, «тотальной абсурдности» эгоцентрированного мира, с апологией множественности схем деятельности. Фундаментальную угрозу для нашей цивилизации, вызванную этой постмодернистской «диссипацией реальности», представляет декларируемый у нас донныне плюрализм идеологических парадигм и апология этого плюрализма.

Само же геополитическое поражение России в конце XX века оказалось возможным лишь на фоне глубинных трансформационных процессов внутри российской цивилизации, набравших силу к тому времени. К их числу, думается, необходимо отнести следующие.

- В Советском Союзе в период 1970-80-х годов произошло технологическое истощение индустриальных производительных сил, естественным результатом которого на рубеже 80-90-х годов стал их бурный самораспад. Кризис индустриального общества, «общества модерна», свойственен, конечно же, и России, и Западу. Но будучи слабейшим звеном в ряду индустриальных обществ, наша страна переживает его не так, как «благополучный» Запад. Распад структур российской индустриальной системы, форм и структур модерна, опрометчиво воспринятый в конце 1980-х – начале 1990-х годов как утверждение в стране демократии, произошел столь стремительно в силу слабой укорененности на российской почве совсем недавно (лишь к середине XX века) созданных институтов индустриального общества. Срок их существования у нас никак нельзя сравнить с многовековым развитием индустриализма на Западе. На протяжении последних лет мы, конечно же, являемся свидетелями усиленного и во многом успешного стремления страны к прорыву в области высоких технологий. Однако серьезную проблему в этой связи представляет сохраняющийся со второй половины прошлого века колоссальный диссонанс в развитии отдельных подсистем хозяйственной и общественной жизни: диссонанс между отдельными отраслями хозяйства, между городом и деревней, между отдельными регионами и т.д.

- В историческом масштабе в России исчерпала себя традиционная для четырех прошедших столетий нашей истории российская державная (имперская) государственность. Ныне она, безусловно, обновляется. Нет уже у нас многих, во многом чуждых для отечественной культуры и слепо скопированных в начале 1990-х годов с западных

образцов, государственно-политических форм и способов управления. Нет и той «массовой волны» политиков «либерально-демократического толка». Однако, процесс «кристаллизации» традиционного авторитаризма нашей политической системы и, прежде всего, процесс восстановления былой силы центральной власти, процесс «институционализации авторитаризма по вертикали» далеко еще не завершен.

- Системообразующий этнический субстрат нашей цивилизации – русский народ переживает кризис, связанный с исчерпанием того способа хозяйствования, способа отношения этноса к своему кормящему ландшафту, что был выработан русскими в период наивысшего подъема национальной культуры в начале XVIII - конце XIX столетий. Необходимо отметить, что в глобальном геополитическом противостоянии конца 80-х – 90-х годов основными объектами ударов со стороны наших «цивилизационных противников» явились именно базовые составляющие русской национальной культуры. Разрушению подверглись традиционные виды деятельности, в первую очередь – сельское хозяйство, фактически именно тогда был завершен процесс уничтожения русской деревни с ее коллективистскими общинными принципами организации жизни. Ныне хорошо известна ситуация, когда крупнейшие финансовые, культурные и бизнес-центры сосредоточены лишь в ряде мегаполисов страны, при этом огромная часть ее территории находится в состоянии крайнего запустения. А следствием стали процессы деструкции этнических традиций, выраженной в утрате основ социальной сплоченности, господстве индивидуалистического и гедонистического отношения человека к жизни, разрыве межпоколенных связей, в гендерных деформациях и дисфункциях, в потере народом исторической памяти, в трансформации содержания основных этических ценностей. Геополитическая реальность сегодня требует поэтому модернизации способов расширения и обогащения кормящего ландшафта, восста-

новления традиционных видов и форм производящей человеческой деятельности.

«Сталинский режим», что бы о нем ни говорили, выполнял необходимые для сохранения общества, государства и нашей цивилизации функции, конечно же, облакая их в жесткие формы. Но это были именно такие формы, которые иной режим, иная власть, иной правитель не в состоянии были реализовать в данное время и в данном месте. «Тоталитарное», точнее, - жестко мобилизационное государство, наследовавшее главные имперские принципы «старой» царской России, осуществляя ударную модернизацию технологических основ общества, в том числе - и за счет заимствования с Запада ключевых научно-технических факторов индустриализма, «не забывало» при этом выстраивать плотные фильтры на путях возможного «просачивания» в страну соответствующих им мироотношенческих и идеологических компонентов.

Со смертью И.В. Сталина «тоталитарный» режим ослаб и рухнул, а вместе с ним обрушились и идеологические фильтры. Релятивистские тенденции, выразившие движение нашего общества к состоянию постмодерна, вначале постепенно, а с конца 60-х годов - стремительно набирали темпы, довольно прочно утверждаясь в российской повседневности. Инокультурная идеологическая, геополитическая, ментальная экспансия была поддержана изнутри страны традиционным для последних двух столетий «западничеством» некоторой части общества. Она имела успех, поскольку была направлена в мощный диссонанс межпоколенных связей, возымевший место именно тогда, когда в активную жизнь включилось поколение, не испытывавшее ужасов вражеского нашествия, и не встречала реального и адекватного противодействия со стороны мощного и укорененного в отечественной традиции философско-концептуального «противовеса».

Постепенно к концу 1980-х годов у нас, в резком разрыве с традицией, изменилось видение индивидом своего

места в мире и обществе. Изменилось отношение к истории и будущему, к «своим» и «чужим», к Отечеству, к государственности, к семье, к нравственности, к прекрасному и т.д. Ниспровергнутыми оказались веками откристаллизовавшиеся высшие ценности человеческого бытия, его организующие начала. Их место заняли «идолы» повседневного благополучия, индивидуального успеха и жизненного самоутверждения.

Современные либеральные ориентации, и на Западе, и теперь – у нас, связанные с приятием абсолютной самодостаточности субъекта, с поиском в самом индивиде, и только в нем, предельных оснований его бытия, с видением в самореализации человека единственного смысла его жизни, возводят частный интерес во всеобщий принцип, индивидуальное «я» давно стало объектом поклонения для философии, для идеологии, для этики, для искусства, для обыденного сознания.

Свобода человека в либеральной трактовке отождествляется с независимостью от уз социальности. Самодостаточность «я» влечет представление о «распадающейся и умирающей реальности», происходит постепенная деструкция всех форм человеческой идентичности (религиозной, этнической, сословной, гендерной, цивилизационной), и каждый оказывается вольным поэтому выстраивать свою собственную, «уникальную и независимую», структуру повседневности и логику поведения. Еще В. Розанов писал в свое время, угадывая в соотечественниках эту тенденцию будущего: «И только одно хвостовство, и только один у каждого вопрос: "какую роль при этом я буду играть". Если "при этом" он не будет играть роли, - "к черту"» [14, с. 58].

Однако, сегодня мы видим, что релятивизм и эгоцентрированность мироотношения человека эпохи постмодерна отнюдь не несут в себе обещанной либеральной идеологией гармонизации жизни. Они не несут гармонию в истерзанное хаосом российское общество, прежде всего,

потому, что они не совместимы с традиционными архетипами нашего народа: архетипами свободы как духовного состояния человека, смысла жизни как устремленности человека к вечности, мироздания как иерархически организованной целостности, старости как носительницы мудрости и многими, многими другими. Они не в состоянии принести с собой гармонию в силу принципиального, глубинного несоответствия нынешних «жизненных стандартов» мощным соборным и державным началам русского национального сознания [6, с.1-51].

Тотальный разрыв связей в «распадающейся и умирающей реальности», произвольное «высвобождение» самодостаточного «эго», подмена цельной и стройной архитектоники миропорядка феноменами «жизненного мира» личности, стремление индивида «проглотить мир» (Э. Фромм) [17] отнюдь не сулят обретения человеком реальной полноты бытия. Не сулят, как бы ни настаивали носители и выразители подобного мироотношения на том, что «мне может быть хорошо, когда рушится "системный мир"».

И, может быть, современное «наслаждение» человека абсурдностью мира, нынешняя релятивность мироотношения выступают в этом плане как выражение смиренности, в стиле Кафки, принципиально чуждой русским, но ныне очень глубоко «вросшей» в национальное сознание, смиренности перед одиночеством, страданием, конечностью, всеразорванностью человеческого бытия, перед его непреодолимой «частичностью», перед глубокой духовной «бездомностью» современного человека. Но подобного рода «смиренность» есть не что иное, как только лишь неизменное «попустительство» дисгармонии, одиночеству, страданию и всеразорванности.

Несомненно, современный российский цивилизационный кризис обусловлен тотальностью «массового человека» [12], человека толпы. Именно он стал тем центром, вокруг которого концентрируется вся ценностная система либерализма, именно представления массового человека о

себе самом, о мире вещей и идей, определяют социальное развитие в эпоху постмодерна. Этот феномен, как отмечал еще О. Тоффлер, когда-нибудь станет одним и тем же и для Запада, и для России. Сегодня он таким и стал.

Но в России «драма омассовления» носит значительно более жесткий характер, потому что принципиально несовместимы «масса» и русский «собор», жизненные принципы массового человека и принципы жизни «человека сущи». Эта несовместимость, к сожалению, раскалывает сегодня общественное сознание в России непримиримо на две, почти равные, части, одна из которых (преимущественно – носители доксы, поверхностного, шаблонного мышления) декларирует свою готовность неизменно следовать либеральным принципам, другая же часть общества решительно отвергает их. Поэтому судьба российской цивилизации, думается, зависит сейчас, прежде всего, от того, в какую сторону будет меняться это соотношение сил. По крайней мере, ныне уже многим заметен, пусть и не очень решительный пока, весьма медленный, но все же – разворот страны к идеям, ценностям и идеологии традиционализма. Так или иначе, недавно сформулированная у нас, наконец, на высшем официальном уровне идея патриотизма как суть национальной идеи так резко контрастирует с доньше памятными широковещательными тирадами отечественных «правозащитников» о «патриотизме как последнем прибежище негодяев» и о патриотически, державно мыслящих гражданах как об «адептах национализма, тоталитаризма, фашизма».

Возможно, экспорт либеральной конструкции в Россию закончится в ближайшем будущем, возможно, он завершится интеллектуальным поражением, политическим крахом, а, может быть, - и «личной катастрофой» для ее наиболее заинтересованных проводников. В этом случае именно русскому традиционализму, в первую очередь, - в его «философском, метафизическом измерении», придется

решать задачи дальнейшего цивилизационного развития России.

Список литературы:

1. **Аксаков, К.С.** Записка о внутреннем состоянии России», представленная Государю Императору Александру II в 1855 г. [Текст] / К.С. Аксаков // Ранние славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. - М., 1910.
2. **Генон, Р.** Царство количества и знамения времени. [Текст] / Р. Генон - М.: Беловодье, 1994.- 295 с.
3. **Гумилев, Л.Н.** Этногенез и биосфера Земли. [Текст] / Л.Н. Гумилев - Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. 495 с.
4. **Данилевский, Н.Я.** Россия и Европа.[Текст] / Н.Я Данилевский - М.: Книга, 1991.- 573 с.
5. **Кант, И.** Критика чистого разума. [Текст] / И. Кант. - Минск: Литература, 1998.- 960 с.
6. **Киреевский, И.В.** О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России [Текст] / И.В. Киреевский // Ранние славянофилы А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. и И.С. Аксаковы. - М., 1910.
7. **Леонтьев, К.Н.** Византизм и славянство [Текст] / К.Н. Леонтьев // Россия глазами русского: Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. С-Пб.: Наука,1991. - 364 с. С.171-290
8. **Макиндер, Х.** Географическая ось истории [Текст] / Х. Макиндер // Геополитика. Антология. - М.: Аккад. Проект: Культура, 2006. - 1002 с.
9. **Макиндер, Х. Дж.** Круглый мир и достижение мира [Текст] / Х.Макиндер // Уральский исторический вестник, 1994. - № 1.- С.152-158.
10. **Макиндер, Х.** Демократические идеалы и реальность.[Текст] / Х. Макиндер // Полис. Политические исследования, 2011. - №2. - С. 134-144.
11. **Менделеев, Д.И.** К познанию России. [Текст] / Д.И. Менделеев - М.: Айрис-Пресс, 2002.- 562 с.

12. **Ортега-и-Гассет**, Х. Восстание масс [Текст] / Х. Ортега-и-Гассет - М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. - 509 с.
13. **Ратцель**, Ф. Народоведение. [Текст] В 2 т. / Ф. Ратцель - С-Пб.: Просвещение, 1900. - 764 с.
14. **Розанов**, В.В. Уединенное [Текст]/ В.В. Розанов //Сочинения. - М.: Советская Россия, 1990.- 588 с.
15. **Тойнби**, А. Постигание истории. [Текст] / А. Тойнби - М.: Прогресс, 1996. - 607 с.
16. **Фаррел**, Дж. Нацистский интернационал. [Текст] / Дж. Фаррел - М.: Эксмо, 2011.- 448 с.
17. **Фромм**, Э. Иметь или быть? [Текст] / Э. Фромм - Киев: Ника-Центр. 1998.- 400 с. С. 189-389
18. **Хайдеггер**, М. Время и бытие. [Текст] Статьи и выступления. / М. Хайдеггер - М.: Республика, 1993. - 447 с.
19. **Хантингтон**, С. Столкновение цивилизаций. [Текст] / С. Хантингтон - М.: АСТ, 2003. - 506 с.
20. **Шпенглер**, О. Закат Европы. [Текст] / О. Шпенглер - Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. - 638 с.

ГРНТИ 78

УДК 351.861

Блинов Андрей Георгиевич

ОЦЕНКА РИСКОВ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДЕЙСТВИЙ СИЛ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: силы гражданской обороны, чрезвычайная ситуация, защита населения и территорий.

АННОТАЦИЯ. Статья направлена на оценку рисков возникновения чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. На основе анализа наиболее крупных чрезвычайных ситуаций, произошедших за последние 3 года на территории Уральского региона, рассматриваются основные направления совершенствования деятельности сил гражданской обороны в условиях чрезвычайных ситуаций и военных конфликтов.